

Новые порядки

Яшви Садхир

После возвращения с горного озера прошло несколько дней, но Яшви все не могла найти себе места. Ничто не приносило удовольствия, как раньше, хотя она продолжала тренироваться с луком, штудировать учебники и заниматься всей той принцессьей ерундой, которой занималась обычно. Она больше не заговаривала с Сонгцэном о том, что ее беспокоит, да и у принца тоже были свои обязанности, которые требовали его внимания, так что по большей части Яшви проводила свои дни в одиночестве, которое теперь казалось ей почти что спасительным. Если Радж посылал за ней, чтобы поиграть в го, Яшви вежливо отказывалась, ссылаясь на необходимость плотнее взяться за свои занятия, а больше во дворце она ни с кем так и не сблизилась. Служанки всячески старались ей угодить, но Яшви казалось, что она замечает в их взглядах плохо скрытые презрение и даже отвращение, поэтому избегала с ними пересекаться, ограничившись помощью одной только Амриты.

Несколько раз Яшви ловила себя на мысли, что отчаянно хочет уехать, но куда ей ехать? Сейчас нет ни единого места, чтобы его можно было назвать домом. Она даже начала вышивать, хотя сроду не питала симпатии к декоративной вышивке, но, закончив один из не самых сложных узоров, бросила всю вышивку в огонь очага. В комнате еще долго стоял запах паленой ткани, который не могли вытравить ни тяжелые благовония - гвоздика, рудракша и сандал - ни тщательное проветривание, когда Амрита открыла настежь все окна.

После обеда Амрита и еще несколько служанок принесли новые наряды, которые так изобиловали золотой вышивкой, что больше походили на свадебные платья, чем на повседневные сари. Яшви никогда не задумывалась о том, кто заказывает все эти наряды, ей было все равно, откуда они берутся, потому что ограничивалась только двумя-тремя привычными ей костюмами, но, кажется, этому когда-то должен был прийти конец.

Яшви Садхир

- Унесите обратно швеям, - сказала Яшви, когда ей детально продемонстрировали каждый из нарядов, от которых рябило в глазах. Две служанки помимо Амриты вытаращили на нее глаза, словно она все сказала невесть какую ересь, - здесь вышивки больше, чем ткани. Я не вешалка для украшений, чтобы носить на себе столько золота.

- Но эти сари прислала Прия-джи, - попыталась остановить ее одна из девушек.

- Я бы их не надела, даже если бы их прислал сам Его Величество, - решительно отрезала Яшви, которая терпеть не могла чувствовать себя шкатулкой с драгоценностями. Особенно сейчас. В этих роскошных платьях ей чувствовалась какая-то насмешка. Вряд ли Прия-джи желала чего-то подобного, наверняка она хотела ее просто порадовать, но Яшви не могла отделаться от мыслей, что ее пытаются продавить и сделать той, кем она не является. Принцессой, подобной тем,

что желали видеть на ее место – утонченную, изящную и царственную, а не простую девочку из бедной деревне. Яшви чувствовала, что запуталась в себе. Она не хотела, чтобы в ней видели принцессу, считая, что она не подходит этому статусу, но и отчаянно не желала возвращаться к той Яшви, какой когда-то была, до того момента, пока ее не купили. Она хотела, чтобы видели ее настоящую, не пытаясь переделать, но сама не знала, какая Яшви – настоящая, а оттого злилась на весь мир вокруг.

Яшви Садхир

Недовольно переглядываясь, служанки унесли свертки с платьями. Яшви проводила их взглядом, не двигаясь с места до тех пор, пока дверь за ними не закрылась, затем обвела взглядом комнату. Она жила здесь с того самого момента, как вышла замуж за Сонгцэна и, хотя изначально это были его покои, как наследного принца, после свадьбы здесь появилось слишком много женских штучек, к которым Яшви не привыкла. Эти кучи баночек и склянок, которыми она не пользовалась, эти благовония с запахом розы, которые так и норовили здесь зажечь, хотя она ясно дала понять, что не терпит роз. Даже цветы были всегда не те, что любила Яшви. Пионы, лилии и тюльпаны, которые выращивали в дворцовой оранжерее. Здесь жила Яшви, а ощущение такое, словно не она, а какая-нибудь Майя Тхакур или Маниша Шах, воспитанные в типично дворцовых условиях. Им-то наверняка не пришло в голову бунтовать против вазонов с розами.

Поддавшись внезапному порыву, Яшви распахнула одежный шкаф, полный шелка, батиста и тафты. Эти расшитые чоли и курти, не менее тяжелые от вышивки лехенги и дупатты, к которым даже притрагиваться не хотелось, настолько они стояли колом от количества золотой и серебряной в них нити. Среди всего этого сиротливо висело несколько знакомых и удобных ей костюмов для верховой езды, нарядный дэгэл, который ей преподнесли на свадьбу Лисы, и пара простых сари нейтральной расцветки. Повинуясь этой внезапной злости, Яшви принялась один за другим вытаскивать вешалки из шкафа и бросать их на кровать. Сари красные, фиолетовые, зеленые, розовые и оранжевые, синие и даже одно черное, пестревшие вышивкой, летели на кровать в одну большую неряшливую кучу. Вскоре в шкафу остались только те, что принцесса Кобр сочла самыми приемлемыми на ее взгляд – простое красное, не менее простое синее и еще одно, фиолетовое, единственное, на котором количество вышивки не внушало отвращение.

- Унеси все это, - велела Яшви растерянной Амрите, которая наблюдала за ней из угла комнаты, - хочешь, заberi все себе, дарю. Но в моем шкафу их не хочу видеть. И пришли мне швею. И садовника.

Яшви Садхир

Через два дня у Яшви в шкафу висело несколько новых более устраивающих ее сари. Она просмотрела каждый из них и отметила, что теперь они устраивают ее более, чем полностью. И, хотя главная швея не отказалась от старой привычки пихать везде золотую нить, теперь она хотя бы не превалировала над остальной тканью. Помимо этого в ее гардеробе, наконец, стало больше нормальной человеческой одежды, включая костюмы для верховой езды, которые Яшви ценила за простоту и удобство, когда не чувствовала в себе настроения играть в принцессу.

Избавившись от всего, что ее так раздражало в последние дни, в том числе от тех приторно пахнущих баночек и скляночек с лосьонами, мазями и притирками, Яшви вызвала садовника. Заказанные ей растения уже дожидались своей посадки, нужно было только указать место, где Яшви хотела их посадить. Можно бы было снарядить на это дело слуг, но Яшви решительно отказалась и сама отправилась в сад. Она не была хозяйкой всего этого - если кто-то и имел права изменять в саду что-то по своему усмотрению, то только Прия-джи или Бо-джи, но Яшви не спросила мнения ни первой ни второй. Это был участок сада под их с Сонгцэном балконом, и Яшви намеревалась отвоевывать его до последней капли крови.

И начала с того, что велела вырвать все ненавистные ей кусты роз, заменив их барбарисом, кизилом и шелковицей, а пионы и астры - синим чертополохом, шалфеем и аконитом. На вопрос садовника, знает ли она о том, что аконит ядовит, Яшви выразительно промолчала. Естественно, она знала. Как и то, что аконитом отравляли наконечники стрел, и что при применении внутрь нужно было вызывать рвоту, либо нейтрализовать действие яда укусом или вином. Иногда, когда боли отца становились совсем невыносимыми, она добавляла в травяные настойки несколько капель аконита, и это приносило пусть временное, но облегчение. В конечном счете это его все равно не спасло.

Яшви Садхир

Решив, что прекрасно справится сама, Яшви отослала садовника и слуг, которые занимались посадкой кустарника, и опустилась на колени прямо на плодородную землю, не думая о том, что запачкает длинную юбку сари. Теперь, когда здесь не было роз, в ее маленьком спокойном уголке, Яшви даже находила какое-то очарование в саду. Она осторожно вынула из подлжки стебли новых растений и, лопаткой раскопав небольшое углубление, опустила шалфей в приготовленное для него место.

Яшви никогда особо не любила ковыряться в огороде, когда это было скорее жизненной необходимостью, чем приятным хобби, твердая каменистая почва с трудом давала всходы и требовала огромных усилий, чтобы на ней что-то выросло. Но в последнее время она чувствовала себя так, словно ей хочется забиться в какую-нибудь нору. Раньше у нее никогда не было такого стремления оказаться поближе к земле, невозмутимой, спокойной, плодотворной. Сейчас она чувствовала себя почти спокойно.

Ладонями прижав небольшой холмик вокруг стебля, Яшви перешла к следующему растению, с удовольствием погружая пальцы в жирную рассыпчатую землю. Вкусно пахло шалфеем, и это тоже действовало на нее умиротворяюще. Земля была такой уверенной, такой незыблемой, она была готова приютить в себе любое семя, что в нее опускали. Сложив ладони в молитвенном треугольнике, Яшви низко наклонилась к земле, почти касаясь ее лбом и жадно вдыхая прелый запах почвы и перегноя.

Яшви Садхир

Она вспомнила слова Оронар-гуая, что она слишком тяжелая для воздуха. Может быть, старый воин и был прав - воздух ей совсем не подходит. Что для нее больше подходит тяжелая, основательная земля, неподвижная, незыблемая. И если она не

находит успокоение в воде, может, его даст ей земля. Если у лисы отбирают нору, она копает себе новую, еще лучше и глубже прежней. Такую, в которой будет чувствовать себя в безопасности, но из которой может быстро спастись, если возникнет такая необходимость.

Сейчас, в окружении колючих кустов барбариса и кизила Яшви чувствовала себя в безопасности гораздо большей, чем где бы то ни было до этого за последние несколько месяцев. Пусть она не может назвать это место домом - пока что не может - это было уже не то враждебное место. Она может устанавливать свои правила, не подчиняясь тем, что от нее ждут. Яшви подумала о том, что, возможно, посадит здесь какие-то лекарственные растения в будущем. Крапиву, мак и зверобой, бессмертник и женшень. Мяту и цикуту. Возможно, даже останется место для облепихи.

Мысли об этом успокаивали. Яшви выпрямилась и снова посмотрела на густые кусты шелковицы, которые единственные в изобилии росли вокруг Ривана. Быть может, она уже не Яшви из Ривана, но если это можно сделать ее силой, то она сделает это.
